

**Валерий Попов**

Михаил Зощенко  
Беспризорный гений







ОГИ2

**ВАЛЕРИЙ ПОПОВ**

**МИХАИЛ  
ЗОЩЕНКО**

**БЕСПРИЗОРНЫЙ  
ГЕНИЙ**

Москва  
АСТ  
2017

УДК 821.161.1.09 Зоценко М.  
ББК 83.3(2Рос=Рус)6  
П58

**Попов В. Г.**

П58 Михаил Зоценко. Беспризорный гений / В. Г. Попов. — Москва : Издательство АСТ, 2017. — 464 с. — (Тайны и загадки смерти великих людей).

ISBN 978-5-17-102668-4

Михаил Зоценко — утонченный красавец, денди, блестящий офицер, герой Первой мировой войны; его рассказами зачитывался один малоизвестный акварелист с абсолютно незапоминающимися именем и фамилией — Адольф Гитлер. Кстати, не артистка ли Ольга Чехова переводила тексты Михаила Михайловича на немецкий язык?

Разумеется, он был люто ненавидим литгенералами СП СССР. Но при всем при этом он прожил жизнь абсолютно счастливого человека, что для нас остается полной загадкой, которую мы и попытаемся разгадать в этой книге.

Книга Валерия Георгиевича Попова — известного писателя и сценариста, лауреата литературных премий — отличается от «традиционных» биографий Зоценко иным (достойным и радостным) взглядом на, безусловно, драматическую судьбу писателя.

«Люди, любившие Михаила Зоценко, жившие рядом с ним, грустили: как «заломали» его, во что превратили, даже не похоронили, как подобало! Но Зоценко не пропал! Уже очень скоро, в конце пятидесятых, мы, люди молодые, вчерашние школьники, получили Зоценко веселого, молодого, мы хохотали, читая его, и знать ничего не знали о его грустном конце! Собственно, с этого я и начал книгу — с восторга нового поколения, узнавшего Зоценко. Как раз слабел прежний строй, и едкая, слегка абсурдистская ирония Зоценко пришлась нам по сердцу...» (Валерий Попов)

УДК 821.161.1.09 Зоценко М.  
ББК 83.3(2Рос=Рус)6

Охраняется Законом РФ «Об авторском праве и смежных правах».  
Воспроизведение книги любым способом, в целом или частично,  
без разрешения правообладателей будет преследоваться в судебном порядке

ISBN 978-5-17-102668-4

© В. Г. Попов, 2017

© Оформление. ООО «Издательство АСТ», 2017

## ВСТРЕЧА С ЗОЩЕНКО

Впервые я услышал про Михаила Зощенко в школе. И сразу — интересное! Наша учительница литературы Зоя Александровна разносила в пух и прах сочинение нашего классного хулигана Трошкина: «Глупость, безграмотность! Ну просто Зощенко какой-то!» Класс радостно загудел: «Почитайте, почитайте!» Трошкин порой такое загибал! И Зощенко тоже меня заинтересовал: в общей скуке что-то необычное! И надежды оправдались.

Перед первым курсом нас, поступивших в институт, послали копать картошку в дальний колхоз. И лучшего нельзя было придумать. Там уж мы отпраздновали наш успех! Песни наши, явившиеся вдруг непонятно откуда, полны были вольности и дерзости. Мы наконец избавились от «торжественных школьных линеек», от невыносимых уже «образов наших современников»... И вообще — шел 1957 год, начиналась свобода.

Ах, поцелуй же ты меня, перепетуля!  
Я тебя так безумно люблю!  
Для тебя чем угодно рискую —  
Спекульну, спекульну, спекульну!

С этой песней мы в кузове грузовика выезжали в поле. Бывшие школьные отличники (таких на нашем курсе было большинство) вырвались на волю!

Хотелось петь запрещенные песни, по-новому говорить. Мы искали язык. И нашли его. По вечерам мы нашей компанией шли в соседнюю деревню, за четыре километра. И не на танцы! Танцы как раз были на нашей центральной усадьбе, а там — копали картошку второкурсники, и среди них был брат одного из нас. Мы входили в просторную избу, освещенную керосиновой лампой, — и ложились на матрас или на пол. Видимо, чтобы не упасть от хохота. Хозяева-второкурсники по очереди, вырывая книжонку друг у друга из рук, читали вслух Зощенко:

### «Землетрясение

Землетрясение в Крыму было, как всем известно, два года тому назад. Однако убытки только сейчас окончательно выясняются.

Конечно, официальные убытки тогда же подсчитали — два миллиона рублей. Но к этой скромной цифре надо добавить, как теперь выясняется, еще небольшую суммишку рублей этак в сто.

Как раз на эту цифру пострадал один милый человек такой, некто Снопков. Сапожник.

Он — кустарь. Он держал в Ялте мастерскую. Не мастерскую, а такую каменную будку имел, такую небольшую каменную халупку. И он работал со своим приятелем на пару. Они оба — два приезжие были. И производили починку обуви как местному населению, так и курсовым гражданам.

И они жили определенно не худо. Зимой, безусловно, голодовали, но летом работы чересчур хватало. Другой раз даже выпить было некогда. Ну, выпить-то, наверное, времени хватало. Чего-чего другого...»

От хохота дребезжали стекла. И «словарь Зощенко» стал нашим словарем. Он помогал нам жить, дал «спасительные формулировки». Так, оказавшись в сложной ситуации,

после задумчивой паузы ставили на стол бутылку, приговаривая: «Чего-чего другого, а уж это!..» И никто не спорил.

«...в пятницу одиннадцатого сентября сапожник Иван Яковлевич Снопков, не дождавшись субботы, выкушал полторы бутылки русской горькой.

Тем более он кончил работу. И тем более было у него две бутылки запасено. Так что, чего же особенно ждать? Он взял и выкушал. Тем более он еще не знал, что будет землетрясение».

И теперь у нас было оправдание для друга, совершившего ошибку, перешедшую в неприятность: «...тем более он еще не знал, что будет землетрясение... Так что чего же особенного было ждать?» И такая трактовка успокаивала, вселяла бодрость.

«...И вот выпил человек полторы бутылки горькой, немножко, конечно, поколбасился на улице, спел чего-то там такое и назад к дому вернулся.

Он вернулся к дому назад, лег во дворе и заснул, не дождавшись землетрясения. А он, выпивши, обязательно во дворе ложился. Он под крышей не любил в пьяном виде спать. Ему нехорошо было под потолком. Душно. Его мутило. И он завсегда чистое небо себе требовал.

Так и тут. Одиннадцатого сентября в аккурат перед самым землетрясением Иван Яковлевич Снопков набрался горькой, сильно захмелел и заснул под самым кипарисом во дворе. Вот он спит, видит разные интересные сны, а тут параллельно с этим происходило знаменитое крымское землетрясение».

Если кто-то приходил не вовремя, можно было сказать: «Ну, сходи на улицу, поколбасись немножко» — и он, не обижаясь, шел «колбаситься».

Клан любителей Зощенко, образовавшийся в институте, жил и потом. Встретить своего — значило получить шанс. Помню, мы пришли к главному конструктору одного серьезного «почтового ящика» (так назывались секрет-

ные институты), представили ему результаты испытаний их аппаратуры, проведенных нами в полевых условиях, — аппаратура показала результаты несколько неожиданные... И он был поражен. И, присвистнув, сказал: «... Та-а-ак!.. а параллельно с этим происходит знаменитое крымское землетрясение!» — и мы сразу сроднились и всё решили. Это конкретное «крымское землетрясение» мы пережили... как и Снопков.

«...Продрал свои очи наш Снопков и думает: «Мать честная, куда ж это меня занесло? Неужели, думает, я в пьяном виде вчерась еще куда-нибудь зашел? Ишь ты, кругом какое разрозненное хозяйство! Только не понять — чье. Нет, думает, нехорошо так в дым напиваться. Алкоголь, думает, действительно чересчур вредный напиток, ни черта в памяти не остается».

Зощенко никогда не берет привычные слова, уже стертые и потерявшие смак — он обязательно «вывернет наизнанку» и слово, и явление — и мы видим вдруг нечто новое и гораздо более точное. Привычнее было сказать «разоренное хозяйство»... и никакой реакции: «Что значит — «разоренное»? Кем?» А у Зощенко — «разрозненное хозяйство» — и точность созданного им слова вызывает восторг: «Вот именно — «разрозненное!» После землетрясения всё «врозь».

«...И так ему на душе неловко стало, неинтересно. «Эва, думает, забрел куда. Еще спасибо, думает, во дворе прилег, а ну-те на улице: мотор может меня раздавить или собака может чего-нибудь такое отгрызть. Надо, думает, полегче пить или вовсе бросить».

Именно этой фразой мы воспитывали себя: «Надо полегче пить или вовсе бросить» — и по указанию классика делали кто этак, а кто так.

«Стало ему нехорошо от этих всех мыслей, загорюнился он, вынул из кармана остатние полбутылки и тут же от полного огорчения выкушал. Выкушал Снопков свою жидкость и обратно захмелел».



Эта универсальная фраза годилась для многих случаев. Когда наш начальник секретного отдела в сотый раз рассказывал нам о том, как мы должны быть бдительны и как был наказан за утерю печати один сотрудник в сороковом году, причем рассказчик постепенно приходил в экстаз, у нас была наготове фраза из Зощенко: «Выкушал Снопков свою жидкость и обратно захмелел».

Нам главное — захмелеть. Неважно от чего.

«... Тем более он не жрал давно и тем более голова была ослабши с похмелюги.

Вот захмелел наш Снопков, встал на свои ножки и пошел себе на улицу.

Идет он по улице и с пьяных глаз нипочем улицу не узнает. Тем более после землетрясения народ стаями ходит. И все на улице, никого дома. И все не в своем виде, полуодетые, с перинами и матрацами.

Вот Снопков ходит себе по улице, и душа у него холодеет. «Господи, думает, семь-восемь, куда же это я, в какую дыру зашел? Или, думает, я в Батум на пароходе приехал? Или, может, меня в Турцию занесло? Эвон народ ходит: раздевшись, все равно как в тропиках».

Идет, пьяный, и прямо чуть не рыдает.

Вышел на шоссе и пошел себе, ничего не признавая.

Шел, шел и от переутомления и от сильного алкоголя свалился у шоссе и заснул как убитый.

Только просыпается — темно, вечер. Над головой звезды сверкают. И прохладно. А почему прохладно — он лежит при дороге раздетый и разутый. Только в одних подштанниках.

Лежит он при дороге совершенно обобранный и думает:

«Господи, думает, семь-восемь, где же это я обратно лежу?»

Тут действительно испугался Снопков, вскочил на свои босые ножки и пошел по дороге. Только прошел он сгоряча верст, может, десять и присел на камушек.

Он присел на камушек и загорюнился. Местности он не узнает, и мыслей он никаких подвести не может. И душа и тело у него холодеют. И жрать чрезвычайно хочется.

Только под утро Иван Яковлевич Снопков узнал, как и чего. Он у прохожего спросил.

Прохожий ему говорит:

— А ты чего тут, для примеру, в кальсонах ходишь?

Снопков говорит:

— Прямо и сам не понимаю. Скажите, будьте любезны, где я нахожусь?

Ну, разговорились. Прохожий говорит:

— Так что до Ялты верст, может, тринадцать будет. Эва куда ты зашел!

Ну, рассказал ему прохожий насчет землетрясения и чего где разрушило и где еще разрушается.

Очень Снопков огорчился, что землетрясение идет, и заспешил в Ялту.

Так через всю Ялту и прошел он в своих кальсонах. Хотя, конечно, никто не удивился по случаю землетрясения. Да, впрочем, и так никто бы не поразился».

И эта фраза тоже стала нашей любимой. Когда шла речь о каком-нибудь очередном ужасе нашей жизни — мы говорили, снимая напряжение, что-нибудь вроде: «...Ну, думаю, никто особенно не поразился».

Геройский человек этот Снопков! Пример стойкости! И конец — поучительный, бодрый:

«После подсчитал Снопков свои убытки: уперли порядочно. Наличные деньги — шестьдесят целковых, пиджак — рублей восемь, штаны — рубля полтора и сандалии почти что новенькие. Так что набежало рублей до ста, не считая пострадавшей будки.

Теперь И. Я. Снопков собирался ехать в Харьков. Он хочет полечиться от алкоголя. А то выходит себе дороже. Чего хочет автор сказать этим художественным произведением? Этим произведением автор энергично выступа-

ет против пьянства. Жало этой художественной сатиры направлено в аккурат против выпивки и алкоголя.

Автор хочет сказать, что выпивающие люди не только другие более нежные вещи — землетрясение и то могут проморгать.

Или как в одном плакате сказано: «Не пей! С пьяных глаз ты можешь обнять своего классового врага!»

И очень даже просто, товарищи».

И — подводя итог своей «довольно продолговатой» жизни, скажу так: «Зощенко спас!» Неприятности у него в руках становились смешными. Мы все пережили самые разные экономические и политические потрясения как-то так... как пережил Снопков знаменитое крымское землетрясение...

Бодро! Мой сокурник Слава Самсонов рассказывал, что мама читала Зощенко вслух в бомбоубежище, дом содрогался от взрывов, а народ хохотал.

О Зощенко принято писать в траурном стиле... Мол — «сломали», «сломался». Эх, люди! Гляньте-ка на себя. А Зощенко — лучше всех. И написал. И прожил. Об этом и хочу рассказать.

## ДЕТСТВО ГЕНИЯ

Откуда берутся гении? Да кто их поймет! Никаких законов тут нет — можно только гадать. Ну, наверное, происхождение, родители... От этого фактора, конечно, не отмахнешься. Лучше, конечно, если отец чем-то там дирижировал. А мать, скажем, танцевала. Это всё в плюс.

Ну, а там, потом, какое-нибудь еще «землетрясение» закалит характер, нарисует сюжет.

Детство гения прошло в Петербурге, где он и появился на свет — в 1894-м.

Отец Зощенко, Михаил Иванович, был художник. В журнале «Нива» славились его комические картинки с изображением украинских селян. Он делал потешные подписи под ними. Так что талант у писателя Зощенко понятно от кого. Еще отец рисовал большие картины из народной жизни, в духе передвижников, но академиком не стал, работал «мозаичистом», «лепил мозаику», и числился «неклассным художником», то есть — сильно не зарабатывал. Хотя происходил из дворян Полтавской губернии — поместья не имел. Может, прадед проиграл в карты — история об этом умалчивает. Однако кормил папа всю семью, какую нынче и академику не поднять — пятерых дочерей и трех сыновей!

Но главное, что он сделал — после нескольких поколений чиновников в их семье начал зарабатывать творчеством, подвигнув на это и сына. Хотя путь этот, как показали их судьбы, самый рискованный. Правда, по семейной легенде основателем их рода тоже был человек творческий, иностранный архитектор, «зодчий», приехавший в 1789-м в Малороссию, получивший при крещении имя Аким. Отсюда, по легенде, из слова «зодчий» и образовалась, на украинский лад, их фамилия — Зодченко... Зощенко. Отец Зощенко умер скоропостижно, в возрасте сорока девяти лет. Матери Михаила, Елене Иосифовне (Осиповне) Суриной на момент смерти мужа-кормильца было всего тридцать четыре года. И она, после ранней смерти мужа, вырастила восьмерых детей!

Может быть, в этом разгадка появления таланта? Когда много детей — больше шансов, что хоть одного из них «поцелует Бог»? Они все дружили между собой, помогали друг другу... Самая старшая сестра — Елена, Лелька, была веселой, энергичной, веселила всех и придумывала разные авантюры. Всю жизнь старалась помогать брату Михаилу. Но главное, чем помогла — именно про нее, про ее проделки Зощенко написал больше, чем про других. Остальные сестры и братья — Валентина, Юлия, Тамара, Владимир,

Вера, Виталий — были хорошими людьми, жили, как все. Но ни у кого из них, кроме Михаила, не было большого таланта. Судьбы их обыкновенны — в отличие от судьбы их гениального брата.

Конечно, большое влияние на него оказала мать, Елена Иосифовна. Она была волевая, энергичная, веселая, талантливая — раньше была актрисой, потом стала писать сентиментально-поучительные рассказы для популярного журнала «Копейка». Первые рассказы Зоценко — подражание ей. Так что не только вырастила детей, но и «определила» — сказала самое главное, важное именно для его жизни. Михаилу она сказала так: «У тебя закрытое сердце. Как и у твоего отца!» И фраза эта поразила его, и вся его литература — попытка «раскрыть» сердце.

Стихи Миша стал писать с восьми лет. Потом были рассказы — «Пальто» и «За что?». Видимо — не шедевры. На выпускных экзаменах за сочинение получил кол! Невысоко оценила гимназия будущего писателя. Учитель перечеркнул написанное словом «Чепуха!» Да-а! Вот это «дебют»! А ведь он писал страстно, с душой, противопоставляя всяким там реакционным Фамусовым романтического героя! И возбудился так, что конечно же за какими-то там ошибками не следил. Плюнули в душу — в душу уже писательскую! Михаил даже пытался отравиться сулемой — причем сделал это прямо в здании гимназии, напоказ. Уже — «трагедию писал»! И это еще не самое суровое из того, что с ним в жизни случится, и многое — не случайно: накликал сам! Писателем становится тот, кто «насочинял» себе и беды, и горе, кого жизнь бьет с особой суровостью — и, как ни странно, он сам порой добивается этого. Счастье писателя — это его несчастья. И то, что Зоценко отравился «напоказ» — наверное, не случайно: и самоубийство он уже подсознательно рассматривал как сюжет — пусть все видят и, наконец, оценят его! И сюжет этот, как ни странно, оценили. Хотя что тут странного — сюжет сильный: самоубийство в стенах гимназии. И — первый «успех». Сюжет, несомнен-

но, произвел на первых «читателей» Зощенко — чиновников из Министерства просвещения — впечатление весьма сильное: ему в виде редчайшего исключения разрешили сочинение переписать! Сыграло тут роль и вмешательство мамы: она уже настолько поднаторела в писании всяких прошений о помощи, что и тут создала очередной шедевр: «...в случае выздоровления ученика 8 класса Михаила Зощенко прошу не отказать в предоставлении ему возможности окончить курс гимназии, так как при многочисленной семье (8 человек детей) и весьма ограниченной пенсии, которую получает вдова с детьми после мужа — 600 рублей в год, он мог бы, имея аттестат об окончании гимназического курса, начать зарабатывать средства к жизни и прийти на помощь своим малолетним братьям и сестрам».

Учись писать, Михаил! Страстное слово действует на самые черствые души! Их совместные отчаянные действия привели к тому, что аттестат он таки получил — правда, всего лишь с двумя хорошими оценками — по географии и Закону Божьему. Итак — гимназия позади. И может быть, в душе Зощенко отпечаталось: «Сильный сюжет действует даже на черствых!»

Закончив гимназию, он в сентябре 1913-го поступает в Санкт-Петербургский университет, на юридический, как все нормальные люди. Но уже в апреле 1914-го по постановлению правления университета он отчислен «за невзнос платы за весеннее полугодие 1914 года». Начинаются совсем другие «университеты». А останься он здесь, он бы только в 23 года начал взрослую самостоятельную жизнь — а он к этому возрасту уже успел страх как много. Как в старой русской сказке — для того, чтобы преобразиться, Иванушка должен прыгнуть в котел с кипятком, а иначе таким же Иванушкой-дурачком и останется.

Сначала он уехал как бы на заработки — вернуть университету долг. И по дороге на Кавказ, в Москве, после посещения церкви, он сочиняет рассказ «Двугривенный», первый из сохранившихся. Рассказ был в стиле газеты «Ко-

пейка», в котором активно печаталась его мать: о том, как нищенке показалось, что нашла на полу церкви двугривенный, а это оказался плевок. Искренность сочувствия страждущим тут несомненна — но до настоящего Зоценко еще ох как далеко!

Однако с ним уже и тогда «происходят» настоящие его рассказы... или, может, куски рассказов, которые потом пригодятся. Кусок... потом еще — кусок. И глядишь — одеяло! У писателя ничего не пропадает. Сестра Леля, с которой он дружил больше всех, еще в детстве «натворила» немало рассказов. Вот, например!.. Правда, записанный Зоценко через много лет после детства:

### **«Находка»**

Однажды мы с Лелей взяли коробку от конфет и положили туда лягушку и паука.

Потом мы завернули эту коробку в чистую бумагу, перевязали ее шикарной голубой ленточкой и положили этот пакет на панель против нашего сада. Как будто бы кто-то шел и потерял свою покупку. Положив этот пакет возле тумбы, мы с Лелей спрятались в кустах нашего сада и, давась от смеха, стали ждать, что будет.

И вот идет прохожий.

Увидев наш пакет, он, конечно, останавливается, радуется и даже от удовольствия потирает себе руки. Еще бы: он нашел коробку конфет — это не так-то часто бывает в этом мире.

Затаив дыхание, мы с Лелей смотрим, что будет дальше.

Прохожий нагнулся, взял пакет, быстро развязал его и, увидев красивую коробку, еще того более обрадовался.

И вот крышка открыта. И наша лягушка, соскучившись сидеть в темноте, выскакивает из коробки прямо на руку прохожего.

Тот ахает от удивления и швыряет коробку подальше от себя.